

Эмилия Песочина пишет стихи, словно подбираясь к сопровождающему звуку гитарного перебора. По крайней мере, ей это удаётся чаще всего. Отсюда – успехи на бардовских фестивалях и вечерах. Ей свойственно стремление к возвышенному слову, звук ведёт её стихотворную речь, которая вдруг обрывается, делает паузу. И продолжается в бытовом сюжетном стихотворении, в котором проявляется дыханье живого слова.

Д. Ч.

АНГЕЛЫ

Утро... Высвечен лучами
Дольней жизни лик...
В небе ангелы ключами,

Словно журавли...
Вьются ангелы с ключами
От пролёта в синь.

Небо – чан, озёра – чаны...
Сини испроси...
Разве можно нам без сини?
Мглой не будешь сыт.
Отче, Слове, Душе, Сыне,
Дай нам синь росы
В первоцветных юных травах,
В россыпях зари...

Боже Вечный, Крепкий, Правый,
Свет нам подари...
Видишь, пламя бьёт из трещин,
Жития казня.
Мы попали в перекрестье
Чёрного огня.

В небе ангелы отверзнут
Тихие уста:
«Господи, на чадах грешных
Ты кресты не ставь...
Разорви унынья сети!
Радостью омой!»

В этот год на белом свете
Не было зимы.
Не вошли метель, морозы
В книгу горних смет.
Но в достатке были слёзы,
А в остатке – смерть.

И, пока вверху листают
Жизнь мою, твою,
Медлят и не улетают
Ангелы на юг.
Всё кружат в небесной глуби,
Молятся о нас:
«Господи, прости их, глупых,
И на этот раз...»

УЛЫБЧИВОЕ

На улице веснеет с каждым днём.
Барашки верб уже пасутся мирно
Над озером. А солнце-кот умильно
Вылизывает небо языком,
Что к полдню перевёрнуто вверх дном.
Сметанку видит в блюдце голубом
Глубокой лужи с тучкой в серединке
И к ней крадётся с рожицей чеширской.
А ветерок задиристый, ершистый,
Стал от тепла покладистым, пушистым,
С утра мурлычет что-то под сурдинку...

Помилуйте! Так ветер тоже кот?! –
Да-да! Конечно! Как же вы хотели?
Когда вовсю свободные свирели
Поют, ещё не то произойдёт!
И серый дождик превратится в мышь,
И спрячется в траве, чтоб не успели
Его коты лихие изловить...

Послышится весёлое «фю-ить»,
И капли, опадая с красных крыш,
Вспорхнут сумбурной музыкой стрекозок,
А луч, досель на мир глядевший косо,
Вдруг засияет в окнах ярко, резко,
В секунду обернётся зайцем резвым –
И ну давай по зеркалам скакать!

Сервант, буфет затеют хохотать
От беспрестанной солнечной щекотки...
А люстра, улыбавшаяся кротко,
Порхнёт в окно сорокою-трещоткой
И всем начнёт такое стрекотать,
Что караул! Пойдёт переполох
Гулять по саду! Он в момент оглох –
нет! Не годится это никуда!

Но солнышко вечернее зевнёт
И ухмыльнётся, как известный кот,
И лапы-лучики под брюшко уберёт,
Уляжется и скажет всем: «Айда

На боковую!» Сразу станет тихо,
И прекратится вся неразбериха...
И кошка чёрная неслышно в сад войдёт...

ВОЗМОЖНО

Возможно, мы с тобою выживем...
Возможно, нет... И что тут нового?
С утра орут сороки-выжиги,
И почки лопнули кленовые.
Возможно, мы уйдем под землю и
Цветами с любопытством выглянем...
Сегодня солнце ярче всемерно
Под синей бездною всевышнюю.

Возможно, всё не так уж плохо, и
Ещё чуть-чуть покаруселимся.
Мы наш, мы чудный мир отгрохаем,
Оденем в платье-весеньице.
И всё опять закуролесится...
Закучерявятся орешины,
И вся округа заневестится
Повишенно и почерешенно...

А нынче свищут птахи резвые!
И залепила синева очки...
И, знаешь, розы, хоть и срезаны,
Алеют долго в жёлтой вазочке.

Тогда скажи: к лицу ли вянуть нам,
Когда дары плывут над городом?
Шагают тучи караванами,
Верблюдами высокогорбыми...
За ними вслед ветра-погонщики
Идут, кнутами лихо щёлкают.
А низом времени вагончики
Торопятся, на стыках цокают.

Возможно, ты с утра протрёшь очки
И удивишься мира шалостям,
И дёрнешь солнце за верёвочку,
И в синь влетишь воздушным шариком.

В огне весны стрижки неистовы,
Как будто миги угорелые.
...А Золотой Господней Пристани
Не достигают раньше времени.

МЕРЦАЮЩЕЕ

Ночь проходит в чёрном птичьем платье,
Отражаясь в пропастях витрин
Перистой колеблющейся статью,
И перебирает фонари
Трепетными кончиками крыльев,
И сгущает неба фиолет,
Затмевая кружевной мантильей
Лунно-млечный венчиковый свет.

Мреет¹, расплывается, двоится,
Словно смутной памяти кристалл,
Постепенно проявляя лица
В тёмных водах мертвенных зеркал.
Облики летят по зыбкой ленте
Голубых зазывных огоньков
И опалесцируют в абсенте
Воздуха, как стайка мотыльков...

На камнях лавок антикварных
Отблески влечений роковых.
Тени осыпают свет фонарный
Пухом на ухабы мостовых.
Исчезают контуры и грани.
Угасают шёпоты, шаги.
Лишь вечерний колокол чеканит
Звона серебристые круги.

Из собора долетает пенье
И органа горловая мощь...
Веером из чёрных птичьих перьев
Тайны тиши покрывает ночь.
Сложены лучи луны на крыльях,

¹ Мреть (старинный глагол) – слабо виднеться, обозначаться, сквозь струящийся, переливающийся воздух или во мраке, в сумерках; расплываться в очертаниях (примечание автора.).

И мерцает звёздная пыльца...
На зрачке слеза, но под мантильей
Никому не разглядеть лица.

МОДЕЛЬКА

Ты пример с меня не бери –
Нестандартная я моделька!
Моя шкурка жестка внутри,
Ты попробуй её надень-ка!
Сразу будет везде давить,
Саднить, жалить – уж я привыкла.
Может, я и мила на вид,
Но внутри-то сплошь заковка...
Вечно шоркаю в октябрях
Мимо яблоневых апрелей.
Ты пример мой не примеряй!
Не участвуй ты в этом деле!
И не слушай, что говорят:
Мол, сорочечка близко к телу...
Может, тело моё заря
Жгучим вертелом провертела...

Шкурка сморщена и стара,
И сжимает нутро кольчужно.
Но порхает внутри нутра
Развесёленькая пичужка...
Что ей, дурочке, боль да скорбь,
Со слезою лиловой вечер...
Хоть гоняй, хоть огрей доской –
Нипочём ей всё! Знай, щебечет!

Рада крыльями трепетать!
Объяснить бы наивной птице,
Что нет смысла в груди летать –
Через кожу-то не пробиться!
Вот поэтому и прошу:
Не бери ты с меня примера,
Шкурку тесную доношу
На себе сама, как сумею...

Да... Стара уж... Как есть, стара...
На лопатках вон прохудилась...

Вон дыра... Прямо до нутра...
Глянь, там что-то зашевелилось
И чирикает, и спешит,
И от света моргает слепо...
Непримерной моей души
Неумелый, наивный слепок...

Жгут насквозь, посильней огня,
Дыры чёрные меж лопаток...
Не бери ты пример с меня...
Я от боли уже горбата...
А, быть может, уже крылата...

ЯБЛОЧНАЯ ГРУСТЬ

Яблочная грусть выспела
В золотом саду памяти.
В нём я вверх лицом высь пила
С проблеском лучей палевых.
Падала любовь грушею
В ярко-синий пруд нежности.
Пело счастье, птиц слушая,
И спешило свет мне нести...
Как же было всё сказочно...
Расцветали сны вишенно.
Солнце грелось на скатерти,
Маминой рукой вышитой.

Но явились бульдозеры.
Синий пруд до дна выскребли.
Бультерьеры, бульдожища
Палевую высь выгрызли.
Вся в цвету любовь падала
На траву, от лап грязную.
Пёрли твари стопалые
В сад мою беду праздновать.
Капала заря чёрная
Соком в лепестки белые.

Что ж, теперь я учёная...
Словно рожь под серп, зрелая...

В небе облака движутся.
Теплятся в душе искорки.
Думала, что не выживу.
Нет... Живу. Смеюсь изредка.
Знаю я, что край пропасти
То далёк, то вновь близится.
Жду, когда придут проблески,
Прилетят стихи-листки...

Негасимый свет памяти
Звоном синих слёз выплачу.
Распашу в душе пажити.
В сердце новый сад выращу.
Васильки в траве вышью я.
Утро подниму ясное.
И, покинув даль вышнюю,
Упадёт на дол яблоко.

БЛАГОВЕЩЕНИЕ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

Совсем небольшая, ещё подросток...
Но вера разве зависит от роста?
Вон сколько Горнего Света пролито
На дольний мир... Струится молитва
Прозрачным ручьём, слезою чистой...
Сегодня ей так хорошо молчитя...
Дева себя лишь такую помнит –
Под сводами тишины церковной...

Время считает чётки вёсен.
Деве в мужья назначен Иосиф,
Почтенный старец, и сей весною
Мария станет его женою.

Но вдруг является Ангел огромный
И молвит испуганной Деве негромко
Слова, что страшно звучат и странно...
И, Светом Всевышним осиянна,
Мария ответствует внешне спокойно,
Что Божьей Воле она покорна.
Архангел с поклоном улетает.

Отныне Сила растёт Святая
В Пречистой Марии.
От Божия Сына
К небу тянется пуповина.
А доля Девы – из чистого бока
Миру родить живого Бога...

А доля – растить Христа, и трепет
Таить в себе, различая на небе
Крест, как предвестник любви и боли.
Но всё вершится по Божьей Воле...

А доля – с Креста снимать Сыночка...
О, где же вы, ангелы-ангелочки...

Вот тело завёрнуто в плащаницу,
И падает наземь Мария ниц и
Молит позволить уйти ей следом.
Рыдает Матерь и смотрит слепо,
Как Бога уносят, кладут в пещеру.
Но знак ей дан: надейся и веруй!

А доля – воскресшего Сына встретить
И зреть, как Его возносит ветер
На облаке... Смертию смерть поправшего...
Что дальше? – Она не решилась спрашивать...

НА УЛИЦЕ ПУШКИНСКОЙ

На улице Пушкинской хлипкая будочка.
В ней старый сапожник сидит.
Помочь он пытается ношеной туфельке,
Глядит на больной каблук.

Он цыкает, цокает, тюкает, шоркает,
Ворчит, недовольно сопит.
А что тут поделаешь с бедною туфелькой?
Давно ей на свалку пора.

Потёртая кожа вся в трещинах, ссадинах.
Ни лоска, ни блеска. Беда.
Подошва вся стоптана, стелька разорвана,
И лопнул по краю носок.

Ай, туфельки-лодочки, шпильки-чечёточки —

Гуляки полночной поры —

Под сумочку дамскую цветом подобраны

И шляпку с заморским пером...

Ой, дамочка, Вы уж поверьте сапожнику...

Ну, что Вы хотите? Года...

Вы видели, дамочка, что-нибудь вечное?

И ноги не новые, нет...

Так что будем делать? Чинить или выбросить?

Я тоже так думаю... Да...

Держите обратно их... Что Вы расстроились?

Хотите, сапожки сошью?

Да, дорого, дама! А что нынче дешёво?

Не знаю... Ну, разве что жизнь...

Ой, бросьте, скажу я Вам... Купите тапочки.

Вон там магазин, на углу.

По улице Пушкинской в тряском трамвайчике —

Лафа, три копейки билет —

Проехать до старого бывшего кладбища

И выйти... А дальше пешком...

АНТИПОДЫ

1

Остро заточенный птичий визг —

Вжик — и порежешься!

В тучах скрываясь, заря кровит

Через прорехи все.

Льётся на плечи горячих роц

Давнее, прежнее.

Прошлое пёстро, словно чирок

В небе над речкою.

Память плывёт красным соком в сад,

Между ладоней — вниз.

Травы сверкают — коси, коса! —

Лезвия дольние.

Мысли коснулись краёв зари —
Ох, полоснули как!
Прошлое жадно, как сизари!
Гуленьки-гуленьки!

Что не сбылось, над водой кружит
Плавными ритмами.
Взрезали синь до глубин стрижи
Крыльями-бритвами.

Что не забылось, уйдёт в пике
С точностью ястреба.
Пойманной птицей бьётся в руке
Настоящее.

2

Дремлет сирень — Модильяни сон —
Тишь акварелева...
Вешний разлив соловья внесён
В сумрак сиреневый...

С ветки грациальной стекает тень
Тонкою струйкою.
Лучик затеял в саду свистеть
В дудочку хрупкую.

Солнечный свет разбросал с высот
Всюду соломинки.
Табор улиток в кусты везёт
Круглые домики.

Беглые блики миров Моне
Тёплыми стайками
Сонно качаются на волне
С лодкою старенькой.

На деревянном хлипком мосту
Времени линии.
А в церемонном, строгом пруду
Жёлтые лилии.

МЕЛОДИЯ ОСЕННЕЙ ТИШИНЫ

Так неслышно рождается музыка
Из летящих по воздуху листьев...
Одевается в синюю тьму закат,
Как в концертные фраки солисты.

Патетически медленны паузы
Между ветром и дробью каштанов...
И мелодия алого паруса
Полыханьем лесов осиянна.

Золотою берёзовой лирою
Окрыляется неба свечение,
И звезда-дебютантка солирует
Над лиловою далью вечернею.

От басового серпика лунного
Меж скрипичными грифами веток
Прорастают лучи среброструнные
Молчаливой сонатою света.

Тополей медногорлых дыхания
Опадают на доли синкопами.
С лип уснувших слетают с шуршанием
Янтарей приглушённые шёпоты.

Всё темнее и шире становятся
Оркестровые крылья простора,
И в парении замер кленовый лист,
Словно нервная кисть дирижёра.